

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/89/19

К вопросу о формировании научного литературного языка в «Истории русского народа» Н.А. Полевого

Николай Игоревич Солнцев

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sochin3@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу языка и структуры «Истории русского народа» Н.А. Полевого. Приведен анализ историографической и литературной деятельности автора. Рассматриваются особенности творчества историка, объясняются причины непопулярности его произведения у отечественного читателя. На основе анализа структуры текста делается вывод, что Н.А. Полевой, презентуя «Историю русского народа», намеренно порывает со старой литературной формой подачи исторического материала, пытаясь положить в основу своего труда научный дискурс, формируя как новый язык повествования, так и новую структуру исторического произведения.

Ключевые слова: историография, историческая информация, сентенция, исторический текст, структура исторического текста, история исторической науки в России

Для цитирования: Солнцев Н.И. К вопросу о формировании научного литературного языка в «Истории русского народа» Н.А. Полевого // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 161–167. doi: 10.17223/19988613/89/19

Original article

On the question of the formation of a scientific literary language in N.A. Polevoy's 'History of the Russian people'

Nikolay I. Solntsev

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sochin3@yandex.ru*

Abstract. In 1829 the publication of the 'History of the Russian People' by N.A. Polevoy began. In his work the author openly points out the shortcomings of the very popular 'History of the Russian State' by N.M. Karamzin. This causes an open scandal in the society and brings down a barrage of criticism on the work. The composition of N.A. Polevoy was declared groundless. This circumstance determined the extreme scarcity of the historiographical base of the study. In the 19th century Polevoy gained a reputation as a skeptical historian, and Soviet historiography speaks of the weakness of the author's philosophical and methodological base. However, one important detail escapes the attention of critics: the dryness and asceticism of the literary language of N. A. Polevoy. The claim is surprising, since the author enters the history of Russian literature of the 19th century as a talented prose writer and master of the historical novel. This circumstance allows us to assert that N.A. Polevoy deliberately departs from the literary standards inherent in the era of N.M. Karamzin and tries to create a work of a different conceptual orientation, with its inherent scientific and historical language. The author undertakes to implement his plans without paying attention to a number of aspects that reduce the cognitive perception of the text.

First, at the beginning of the 19th century, the literary and narrative aspect in the presentation of historical events becomes the main part of the work and reader's perception of the text depends on how carefully it is executed. By removing the narrative in his work, the author reduces the level of understanding of the information contained in it.

Secondly, the text as a communication between the author and the reader is determined by the level of artistry of the language. Artistic communication is better perceived by the reader, as it is consistent with his inner experiences. Non-artistic communications are focused on the addressee who is interested in obtaining specific information. Moving away from the artistry, N.A. Polevoy turns the dialogue with the reader into his own monologue, which was not perceived by an unprepared reader reasonably and adequately.

Thirdly, in search of objectivity, N.A. Polevoy rejects N.M. Karamzin's sentential conclusions, declaring them abstract reflections. This deprives the text of both edification and the conclusion that determines the significance of the historical moment, and excursions into European philosophical systems, complicates the reader's overall perception of the research idea. As a result, the reader did not accept the concept of the work and could not understand the author's intention. However, the 'History of the Russian People' created an alternative to the large-scale history of N.M. Karamzin. Russian history

for the first time gets a variety in the ways of presenting historical material. N.A. Polevoy made the first attempt to free a scientific text from the stylistics of fiction.

Keywords: historiography, historical information, sententia, historical text, structure of historical text, history of historical science in Russia

For citation: Solntsev, N.I. (2024) On the question of the formation of a scientific literary language in N.A. Polevoy's 'History of the Russian people'. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 89. pp. 161–167. doi: 10.17223/19988613/89/19

В 1829 г. в Москве в типографии Августа Семена при Медико-хирургической академии выходит в свет первый том «Истории русского народа» за авторством русского писателя, драматурга, литературного критика и талантливого публициста Николая Алексеевича Полевого. Даровитый журналист и издатель, критический талант которого был неоднократно отмечен читающей публикой, бросил вызов самому Карамзину и его «Истории государства Российского», посмеив упрекнуть почтенного историографа в несостоятельности идей, положенных в основу реконструкции русской истории. Сын курского купца [1. С. 161], представитель третьего сословия позволил себе усомниться в совершенстве произведения, открывшего русскому обществу уникальность собственного прошлого. Последствия не заставили себя ждать. О разрыве отношений с Полевым заявляют Пушкин, Вяземский, Жуковский, что стало серьезным ударом по издательской репутации автора и усугубило негативное отношение к нему со стороны современников, а последовавший за этим литературный скандал спровоцировал закрытие главного детища Полевого – журнала «Московский телеграф». «Игнорировать «Историю...» Полевого стало признаком хорошего тона среди тогдашнего поколения ученых» [2. С. 296], – констатирует в конце XIX столетия П.Н. Милюков. Все это привело к тому, что творчество автора было незаслуженно забыто, а его научное наследие стало восприниматься как неудачная попытка вписать себя в нарождающееся русское историописание. Сам же Н.А. Полевой был навеки вписан, по меткому определению С.А. Лурье, во «второй ряд» авторов «золотого века» русской литературы [3. С. 165], прослыв безнадёжным скептиком во взглядах на славное прошлое России.

Все вышеизложенное в конечном итоге определило крайнюю скудость историографической базы исследования исторического творчества Н.А. Полевого. Современники «стыдливо» игнорировали «Историю русского народа» как несостоявшееся произведение: «“Историю русского народа” гораздо больше читали, чем цитировали» [2. С. 304].

Интерес к творческому наследию автора, ушедшего из жизни в 49 лет, просыпается только в последней трети XIX в. Первую попытку определить место произведения Полевого в русской историографии делает В.С. Иконников, причисляя автора «Истории...» к так называемому скептическому направлению русской историографии. Можно предположить, что подобное мнение вытекало из чисто внешних атрибутов исторического произведения, как то посвящение труда Б.Г. Нибуру, по мнению Полевого, первому историку XIX в., которого Иконников ассоциировал с критическим направлением историографии. «Критическое направление

истории – явление сравнительно новое: в Германии начало его относят ко времени Шлецера или Нибура...» [4. С. 37]. Все это закрепило за Полевым репутацию историка-скептика, даже несмотря на то, что Иконников категорически не настаивал на своих выводах. «По своему направлению Полевой непосредственно примыкает к скептикам; но далек от их крайних выводов» [5. С. 90], – считал ученый.

Практически вторит Иконникову М.О. Коялович в своей работе «История русского самосознания» [6. С. 256–266]. Для него Н.А. Полевой – просто «самоучка, словесник, популярный в среде молодых людей журналист» [6. С. 256], демонстрация того, как «далеко может зайти русский человек, освободившийся от родных авторитетов» [6. С. 257]. По его мнению, на это способен только безнадежный скептик, не столько как исследователь, сколько как человек, презирающий все русское. Во многом эти взгляды на творчество автора «Истории русского народа» и определили дальнейшее направление дискуссии, посвященной его творчеству, в которой на первое место был поставлен вопрос о скептицизме Полевого.

Только П.Н. Милюков, заговоривший о сущности исторического видения Полевого, наотрез отказался принимать тезис о скептицизме историка. По его мнению, со «скептической школой Полевой не имеет ничего общего. Он не только не идет так далеко, как ее представители, но даже не решается идти так далеко, как шел Шлецер» [2. С. 287]. Убедительность доказательств Милюкова, приведенных с «высот» начала XX в., практически закрывает тему скептицизма автора и переводит обсуждение его творчества в иное русло. Подводя итог деятельности Полевого как историка, Милюков порождает тезис о неспособности автора решить на должном уровне ту задачу, которую он себе поставил. «На главный вопрос, поставленный новой теорией, – в чем заключается всемирно-историческая роль русского народа, – Полевой был бессилён ответить» [2. С. 309]. Истоки «бессилия» Полевого получили свое объяснение в «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна, который указал на глубокую эклектичность взглядов автора «Истории русского народа» «за отсутствием теоретической базы и научной подготовленности» [7. С. 245]. «Он поставил перед собой широкую и новую задачу, но у него не хватило средств, конкретной научной подготовки для ее непосредственной практической реализации» [7. С. 249], – резюмирует Н.Л. Рубинштейн, подводя черту под анализом творчества Полевого.

Данный вывод в конечном итоге определил тенденции рассмотрения творчества Н.А. Полевого в советской историографии. Автор «Истории русского народа»

был обозначен в ней как начинатель «буржуазного» направления исторического познания, который оказался неспособен применить новые методологические принципы к конкретному историческому материалу [8. С. 106, 111]. Однако «это была первая, пусть не совсем удачная попытка раскрыть закономерность исторического развития России» [9. С. 362]. Этот общий вывод ложится в основу наиболее полного сочинения, посвященного творчеству Н.А. Полевого, вышедшему из-под пера А.Е. Шикло в 1981 г. [10. С. 17–19]. Мало что меняется и в дальнейшем: Полевого как историка рассматривают исключительно как исследователя, который «открыл возможности для широкого сравнительно исторического изучения», однако «удалось ему не все» [11. С. 240].

Подобная оценка объясняется прежде всего тем, что русская, а за ней и советская историография в оценке творчества автора обращала основное внимание прежде всего на концептуальные основы «Истории русского народа», и в этом плане трудно не согласиться с общим мнением, высказанным на страницах многочисленных исследований, составивших основу русской историографии. Однако тенденция рассматривать исторические произведения исключительно с позиций философско-методологических подходов автора упускала из виду еще одну, как кажется, не самую последнюю особенность историописания Н.А. Полевого, о которой следует сказать отдельно.

Дело в том, что главные претензии, предъявленные читающей публикой «Истории русского народа», касались не философских взглядов автора. В.С. Иконников, пожалуй, – единственный из исследователей, кто обратил внимание эту особенность критики Полевого, но не придал ей должного значения. Завершая свой экскурс в творчество историка, Иконников указывает на массу критических замечаний, высказанных современниками по поводу стиля изложения, присущего самому произведению, приводя в пример одну из многочисленных и обидных эпиграмм: «Увы! Российский наш Леклерк упал, смутился и померк за то, что посвятил Нибуру двенадцать книг, чего? – Сумбуру!» [5. С. 91].

Но дело не кончалось одними эпиграммами. «Г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого: стройное творение одного и хаотический недоносек другого!», – высказывается в письме князь П.А. Вяземский по поводу книги Н.Г. Устрялова «О системе прагматической истории» [12. С. 496]. «Слог есть самая слабая сторона “Истории русского народа”... искусство писать до такой степени чуждо ему (Полевому. – Н.С.), что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено» [13. С. 44], – отмечает А.С. Пушкин. «Вы его решительно не понимаете и никогда не будете в состоянии пересказать другому того, что слышали от него... когда он хотел показать, как должно писать историю, его собственная история оказалась недочитанною и недописанною» [14. С. 12], – резюмирует по поводу стиля изложения «Истории русского народа» В.Г. Белинский.

Подобное замечание слегка удивляет, так как первую часть рецензии критик начинается словами: «Г-н Полевой не поэт и не ученый, но писатель и ли-

тератор, и притом замечательный в полном значении этого слова» [15. С. 499]. Да и вообще отзывы Белинского на литературные произведения Полевого носят в большинстве своем положительный характер, а литература исторической тематики удостаивается только похвал. Критик отмечает «прекрасный слог» как явное достоинство сочинений автора [16. С. 158]. Н.К. Козмин характеризует литературный стиль Полевого как «легкий и довольно выдержанный» [17. С. 145], по его мнению, как литератор «он является художником» [17. С. 151]. Характерно, что за последние полтора десятилетия взгляды на творчество Полевого не изменились. О ярком следе, оставленном им в русской литературе, говорит О.Я. Гусакова [18. С. 123]. Успех исторической прозы Полевого у современников отмечает В.М. Шамахова [19. С. 14]. Талантливость изображения художественного мира в исторической прозе подчеркивают Н.М. Ильченко и Е.Г. Чернышова [20. С. 93–94]. О высоком уровне историографичности исторического романа Полевого рассуждает В.Д. Линьков [21. С. 328]. Другими словами, литературный талант и умение писать масштабные произведения не вызывали и не вызывают сомнения у исследователей творчества автора. Все сказанное выводит на первый план вопрос: куда же делся литературный дар Полевого, когда он берется за перо и начинает писать «Историю русского народа»?

О сути данного явления вскользь упоминает В.Д. Линьков: «когда создавался роман “Клятва...” («Клятва при гробе господнем». – Н.С.), Полевой уже позиционировал себя историографом эпохи 30-х гг., равнозначным Карамзину. Именно поэтому становится очевидным стремление автора разграничить понятия “быль” и “роман” и таким образом не только выявить жанровую природу художественного творения, но и определить свое место в развитии исторической прозы 20–30-х годов XIX века» [21. С. 328], – отмечает исследователь. Взяв за основу эту мысль, остается только констатировать, что, судя по всему, автор намеренно уходит от «высокого» литературного слога, начиная научно-историческую презентацию «Истории русского народа».

Уже на первых страницах своего сочинения Н.А. Полевой начинает рассуждение о призвании историка: «Историк, напитанный духом Философии, согретый огнем Поэзии... должен забыть и логические выводы первой, и цветистые краски второй» [22. С. XX]. Историческая истина, по мнению автора, не должна быть увлекаема «поэтическим огнем, преображающим в глазах наших предметы» [22. С. XX]. «Можем ли требовать от историка известных условий изящества и красноречия?», – вопрошает сочинитель и тут же констатирует: «Не думаю; пусть скажет, как он мыслит... если мысль верна и истинна, будет для нас драгоценна во всяких и в неискusstvenных формах... никакое красноречие не сильно победить отвращение внушаемого софизмом и эгоизмом Историком» [22. С. XXII]. По сути своей, в этих фразах содержится программная установка, которую Полевой будет стараться пронести через все свое сочинение.

О полемике Н.А. Полевого и Н.М. Карамзина по поводу концепции русской истории писалось неоднократно

но. Однако, как видно из сказанного выше, претензии автора «Истории русского народа» к великому историографу касались не только спора о том, что первично в истории России, народ или государство. Полевой не удовлетворен самой формой литературной презентации «Истории государства Российского». Тезис Карамзина о том, что «искусное повествование есть долг Бытописателя» [23. С. XIX], а «любовь к отечеству дает его кисти жар силу и прелесть» [23. С. XX], Полевой категорически отвергает: «Всякая История хороша, если она не красноречиво написана» [22. С. XXIV], – утверждает он и далее конкретизирует свои претензии: «Если поставить главным достоинством (как думал сам Карамзин) красоту и силу повествования, то История государства Российского станет на высокую чреду... Карамзин... почитавший доказательством любви к отечеству желание раскрасить, расцветить истину, часто жертвующий красоте повествования истиной и крити-

кой материалов, может быть причислен к писателям, которые следовали неверному направлению Истории» [22. С. XXXVI]. «Для сего в грубой простоте являются у меня все слова, речи, дела героев Истории Русской. Нет ничего моего принесенного из наших времен» [22. С. XLIV]. Таким образом, можно говорить о первой попытке сформировать научный стиль изложения, предпринятый в русской историографии.

Однако реализация этого проекта на деле была значительно сложнее того, что, судя по всему, первоначально представлял себе автор. В реалиях начала XIX в., когда историческая аналитика еще не шла далее внешней критики исторического источника, повествовательный аспект в освещении исторических событий был неотъемлемой частью презентации событий, и от того, насколько он был тщательно выполнен, зависело восприятие текста читателем. Разберем это на ряде примеров:

Н.М. Карамзин «История государства Российского»	Н.А. Полевой «История русского народа»
«Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своей отважностью, победами, благородием, любовью подданных» [23. С. 142]	«Рюрик оставил малолетнего сына Игоря и передал княжество Олегу, товарищу, может быть, родственнику своему» [22. С. 101]
«Владимир, может быть от горести, занемог тяжелую болезнию и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию... не имея сил предводительствовать войском, он поручил его любимому сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и через несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив Государство на волю рока...» [23. С. 267]	«В Берестове тяжкая болезнь постигла его. Слыша о набегах Печенегов, он отправил Бориса Ростовского против них, и скончался 15 июля» [22. С. 239]
«Александр... стал на Чудском озере. Еще зима продолжалась тогда в Апреле месяце, и войско стало безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятеля сбоку смешал их; сломал, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который надменности своей хотел пленить самого Александра; тела Чуди лежали на семи верстах... Скоро Послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили Псковских аманатов, отказались не только от Луги и Водской земли, но уступили Александру знатную часть Летгалии» [24. С. 31–32]	«Близ Чудского озера, когда воины его были в разъезде за припасами, рыцари напали на отдельные отряды новгородцев. Александр сомкнул дружины, сдвинулся на лед Чудского озера и приготовился к бою. Сначала, употребив необыкновенное устройство войска, Рыцари пробились сквозь новгородские ряды; но Александр успел оправиться, смял рыцарей и на 7-ми верстах лежали трупы эстонцев, битых в бегстве; 400 рыцарей пало в битве, 50 взято в плен. Немедленно прислал ливонский магистр просить мира, отступаясь от владения Водью, притязаний на Псков, и отдавая пленников. Заключили мир» [25. С. 126–127]

Список примеров в сопоставлении текстов можно продолжить, но характерные особенности подачи материала видны, уже исходя из данных отрывков. В повествовательной части текстов «Историй...» авторы излагают последовательность событий практически одинаково, однако в дискурсивной части подходы к презентации исторических событий принципиально расходятся. Исходя из понимания сути исторического дискурса, которое можно определить как коммуникативную связь [26. С. 100] между адресантом – создателем текста, и адресатом – читателем [27. С. 237], формирующую общение через текст [28. С. 276–277], можно говорить о принципиальной разнице между двумя произведениями.

Прежде всего следует отметить, что любая коммуникативная связь, возникающая между автором и читателем, определяется уровнем художественности языка, создающего текст. Нехудожественные коммуникации весьма избирательны и ориентированы на единичного адресата, заинтересованного в получении конкретной информации, заключенной в тексте. Художественные же коммуникации, напротив, весьма диалогичны, так как связаны с общим культурным контекстом эпохи и несут в себе высокий эмоциональ-

ный заряд. Это, в свою очередь, активизирует сознание адресата, через его причастность, включенность в акт коммуникации, через возникающие эмоции. Другими словами, художественный текст раскрывает читателю его собственный внутренний мир, позволяет личности сформулировать ответы на давно поставленные вопросы, которые не могли быть разрешены через нехудожественные способы коммуникации. Последнее и делает художественный текст уникальным, как отмечал Ю.М. Лотман, «позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной, собственно языковой структуры» [29. С. 23].

Стоит ли напоминать, что именно художественность стиля Н.М. Карамзина всегда отражала как сильные, так и слабые стороны его произведения? Отметим, каждый из приведенных выше отрывков представляет собой законченное микроповествование, позволяющее придать любому историческому эпизоду характер законченного рассказа и тем самым подчеркнуть его значимость для общего контекста рассуждений, снабдив его как вводной («Владимир... занемог тяжелую болезнию»), так и заключительной обобщающей частью («...оставив Государство на волю рока...»). По-

добная нарративная структура позволяет читателю самому оценить масштаб события, интерпретировать его согласно собственному разумению и тут же проникнуться истинностью описанного, так как она основана на его собственной реконструкции. Эта ситуация освобождала автора от доказательств правдивости его взгляда на историческое событие, перекладывая эту задачу на плечи читателя, у которого после прочтения текста оставалось осознанное чувство того, как «правильно» историк подметил суть судьбоносного момента. Эта особенность и формирует сущность исторического дискурса Н.М. Карамзина, выраженного через постоянный художественный диалог с читателем, основанный на яркой чувственности переживания, эмоциональности в оценке исторического события. Читающая публика, воспитанная на литературных примерах эпохи классицизма, ждала именно такого повествования, и Карамзин удовлетворил это ее желание, соединив в своем повествовании основные художественные принципы данного направления.

Н.А. Полевой намеренно порывает с подобной литературной традицией. Его язык сух и аскетичен, он оставляет читателя с минимумом исторической информации, практически даже не пытаясь сообщать читателю степень ее достоверности и исторической значимости, объяснить ему смысл получаемого знания о событии. Данную особенность литературной презентации можно рассмотреть на том же примере, повествующем о смерти князя Владимира. Ключевыми словами, определяющими смысловую значимость текста и в том и в другом случае, становятся выражения «тяжелую болезнь» (Карамзин), «тяжкая болезнь» (Полевой). Именно эти выражения семантически организуют все остальное повествование, разъясняя и организуя сюжетную микротему, которая, в свою очередь, определяет авторскую оценку и осмысление, замысел и композицию, что наполняет текст содержательной целостностью и структурной связанностью. Как утверждает Н.С. Валгина, именно наличие двух этих признаков и делает текст состоявшимся [30. С. 29].

Текст Карамзина полностью удовлетворяет предъявленным требованиям. Владимир занемог, «может быть, от горести» – это стало причиной. «Не имея сил», поручил отражение набега печенегов князю Борису, это стало следствием «тяжелой болезни», вокруг которой развивается повествование микротемы, завершающееся смертью князя и оставлением государства «на волю рока». Последняя фраза как подытоживает рассмотренное повествование, так и создает связь с последующими историческими событиями, связанными с борьбой наследников за власть.

В тексте Полевого при наличии содержательной целостности структурная отсутствует почти полностью. «Тяжкая болезнь постигла его», – фраза не связана как с предыдущим повествованием, так и с последующими известиями. Командировка князя Бориса на фронт не связана с недомоганием Владимира, а его смерть 15 июля в тексте по смыслу оторвана от болезни и воспринимается всего лишь как дата окончания жизни. Текст Полевого утратил смысловую ориентацию, а вместе с ней и целеустановку – неперемное условие коммуникативной связи с читателем.

Единственное, чем можно объяснить подобную «абсурдность» изложения Полевого, – это намеренно введенным в текст авторским приемом. Раз источник умалчивает о причинах и следствии болезни князя Владимира, не может идти о них речь и в повествовании. Следовательно, «придуманные» Карамзиным причинно-следственные связи должны быть отброшены, история не терпит субъективности, художественного вымысла. Повествование должно быть максимально достоверным и основанным только на источниках. Именно на эти позиции твердо становится Н.А. Полевой и, стремясь достигнуть «объективности» в своем повествовании, при этом «убивает» саму идею историописания как смыслового соединения нарративов, повергая читателя в путешествие по историческим эпизодам, мало связанным между собой. Именно эти «недочитанность» и «недописанность» текста так возмутили публику. Они просто не увидели в Полевом литератора, способного донести до них свой замысел. Отказавшись от красноречия Карамзина, автор «Истории русского народа» похоронил вместе с ним и литературное единство текста.

Существует и еще одна особенность, которую Полевой замечает за слогом «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и активно критикует. Открывая повествование, великий историограф пафосно размышляет о месте сентенциального обобщения в тексте исторического повествования. «Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные апофегмы, уподобиться Тациту? Не знаю: но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли противно истинному вкусу... апофегмы бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории» [23. С. XIX]. Таким образом, во введении к своей «Истории государства Российского» Карамзин в угоду сформулированным им же «принципам объективности» отмежевывается от сентенции (апофегмы) как способа резюмирования исторического материала. Однако исполнить данную декларацию было куда как сложнее. Создавая историческое повествование, Карамзин был вынужден прибегнуть к сентенции (апофегме) как к способу, позволяющему синтезировать авторское понимание значения описанного исторического эпизода. Мало этого, по факту именно сентенция становится отличительной частью самого произведения Карамзина, первой формой авторской аналитики в историческом произведении [31].

Для Полевого сентенции Карамзина – не что иное как «желание раскрасить и расцветить истину» [22. С. XXXVI]. Как указывает Н.Л. Рубинштейн, «следуя за Нибуrom, он в баснословном материале ищет отражение реально происходящих фактов, которые и пытаются восстановить» [7. С. 251]. Карамзин же не спорит с «баснями», привлекая их как составляющую часть текста. Мало того, он дополняет их своими сентенциями и тем самым придает им характер подлинности. Подобное историописание для Полевого неприемлемо, о чем он и сообщает во введении к своей «Истории русского народа»: «...несносно и звание учителя Нравственности, заставляющее Историка говорить апофегмами и сентенциями, как будто нравоучения, им под-

сказанные, могут научить современников и потомство, если дела и события не могли научить их!» [22. С. XXI]. Характерно, что в отличие от Карамзина Полевой проносит этот тезис через все свое произведение. Однако отказавшись от сентенциального вывода Карамзина, порвав с летописным баснословием, автор порвал и со связным историческим сюжетом, который баснословие определяло. Кроме того, установка не дополнять историю вынуждает Полевого отказаться от резюмирующих обобщений вообще, заменив их экскурсами в европейские философские системы, без знания которых, по его мнению, невозможно было постигнуть хитросплетения русской истории.

Другими словами, понимание смысла и значения исторического эпизода было, с одной стороны, перепоручено самому читателю, с другой стороны, автор «Истории русского народа» задавал ему весьма жесткие рамки данного осмысления. Читатель должен был сам проникнуть в логику повествования и собственным анализом, опираясь на предположенные ориентиры, подтвердить правоту автора. Стоит ли говорить, что для подобного рода действий адресат текста должен был бы быть профессиональным историком, а не досужим любителем исторической литературы. Интересующийся отечественным прошлым человек тонул в общих размышлениях об идентичности русского и европейского исторического пути, после чего, естественно, снимая вину за непонимание с себя, перекладывал ее на плечи автора сочинения. Данное обстоятельство еще более усугубило неприятие произведения читающим обществом и определило трудную судьбу исторической работы Н.А. Полевого.

Тем не менее, подводя итог вышесказанному, следует заметить, что, несмотря на критику, обрушившуюся на «Историю русского народа», работа сыграла в истории русской исторической науки роль, едва ли не большую, чем сочинение Н.М. Карамзина. Прежде всего, работа Полевого стала, пусть и неудачной, но все же альтернативой «Истории государства Российского». Русская история впервые получает вариативность в способах и методах презентации исторического материала. Кроме того, пытаясь противопоставить собственную конструкцию текста подаче исторического материала, предпринятой Карамзиным, Полевой волей или неволей формирует основы научной презентации исторического события. Основой такой презентации становится обращение к читателю как собрату-историку, желающему получить от прошлого не столько сильные впечатления, сколько взвешенную, ничем не приправленную информацию о прошедших событиях. Тем самым делается первая попытка создать научный, а не литературный курс в историческом произведении. Для выполнения этой задачи Н.А. Полевой, отказавшись от хорошо им отработанной литературной манеры, пытается создать как новый язык повествования, так и новую структуру исторического произведения. Не вина, а беда Полевого в том, что он в этом опередил свое время. Читатель не смог по достоинству оценить «Историю русского народа». Ожидания изящного литературного опуса, снабженного легким, элегантно-нравоучительным смыслом, не оправдались. Вместо этого автор преподнес публике первую отечественную работу, написанную языком научно-исторического произведения.

Список источников

1. Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. М. : Тип. штаба Моск. военного округа, 1908. Т. 3. Н–Р. 291 с.
2. Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб. : Изд-во М.А. Аверьянова, 1913. 342 с.
3. Лурье С.А. Изломанный аршин : трактат с примечаниями. СПб. : Пушкинский фонд, 2012. 415 с.
4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев : Тип. Импер. ун-та св. Владимира В. Завадского, 1891. 373 с.
5. Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев : Университетская тип., 1871. 106 с.
6. Коялович М.О. История русского самосознания. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 684 с. (Русская цивилизация).
7. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М. : Госполитиздат, 1941. 660 с.
8. Сахаров А.М. Историография СССР. Досоветский период. М. : Высшая школа, 1978. 256 с.
9. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М. : Культура, 1993. 761 с.
10. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 224 с.
11. Историография истории СССР до 1917 года / под ред. М.Ю. Лачаевой. М. : ВЛАДОС, 2004. Т. 1. 382 с.
12. Пушкин А.С. Заметки на полях письма кн. П.А. Вяземского к С.С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической истории» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.–Л. : Худож. лит., 1934. Т. 6. 640 с.
13. Пушкин А.С. «История русского народа» сочинение Николая Полевого. Статья II // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.–Л. : Худож. лит., 1934. Т. 5. 547 с.
14. Белинский В.Г. Рецензии, январь–февраль 1840 г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 4. 675 с.
15. Белинский В.Г. Статьи и рецензии, 1840 г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 3. 683 с.
16. Белинский В.Г. Статьи и рецензии. Художественные произведения, 1829–1835 гг. Аббадонна. Сочинение Николая Полевого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Акад. наук СССР, 1953. Т. 1. 573 с.
17. Козмин Н.К. Очерки из истории русского романтизма. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 579 с.
18. Гусакова О.Я. Н.А. Полевой в воспоминаниях Кс. Полевого // Н.А. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1999. № 13. С. 107–123.
19. Шамахова В.М. Художественная проза Н.А. Полевого // Проблемы метода и жанра : сб. ст. Томск : Том. гос. ун-т, 1977. Вып. 4. С. 13–26.
20. Ильченко М.Н., Чернышова Е.Г. Немецкий герой в романе Н.А. Полевого «Аббадонна» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2016. № 1, вып. 33. С. 93–107.
21. Линьков В.Д. «Клятва при гробе господнем» Н.А. Полевого: особенности романной структуры // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (42), С. 328–329.
22. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В тип. Августа Семена при Импер. Медико-хирургической академии, 1829. Т. I. LXXXII, 368, VII с.
23. Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : Изд-во Н. Греча, 1818. Т. I. XXXV, 492 с.
24. Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : Изд-во Н. Греча, 1819. Т. IV. 556 с.
25. Полевой Н.А. История русского народа. М. : В тип. Августа Семена при Импер. Медико-хирургической академии, 1833. Т. IV. 478 с.

26. Плехова О.Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 99–105.
27. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М. : Соцэкгиз, 1937. 410 с.
28. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 405 с.
29. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. 702 с.
30. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
31. Солнцев Н.И. Роль сентенции в историческом дискурсе «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона (Левшина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 204–213.

References

1. Gennadi, G.N. (1908) *Spravochnyy slovar' o russkikh pisatelyakh i uchenykh, umershikh v XVIII i XIX stoletiyakh* [Reference dictionary of Russian writers and scholars who died in the 18th and 19th centuries]. Vol. 3. Moscow: Tip. shtaba Mosk. voennogo okruga.
2. Milyukov, P.N. (1913) *Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli* [Main Currents of Russian Historical Thought]. St. Petersburg: M.A. Averyanov.
3. Lurie, S.A. (2012) *Izlomanny arshin: traktat s primechaniyami* [Broken Yardstick: Treatise with Notes]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
4. Ikonnikov, V.S. (1891) *Opyt russkoy istoriografii* [Russian Historiography]. Kiev: Typography of the Imperial University of St. Vladimir.
5. Ikonnikov, V.S. (1871) *Skepticheskaya shkola v russkoy istoriografii i ee protivniki* [The Skeptical School in Russian Historiography and its Opponents]. Kiev: Universitetskaya tip.
6. Koyalovich, M.O. (2011) *Istoriya russkogo samosoznaniya* [History of Russian Self-Consciousness]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
7. Rubinstein, N.L. (1941) *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow: Gospolitizdat.
8. Sakharov, A.M. (1978) *Istoriografiya SSSR. Dosovetskiy period* [Historiography of the USSR. Pre-Soviet Period]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Shapiro, A.L. (1993) *Russkaya istoriografiya s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [Russian Historiography from Ancient Times to 1917]. Moscow: Kul'tura.
10. Shiklo, A.E. (1981) *Istoricheskie vzglyady N.A. Polevogo* [N.A. Polevoy's Historical Views]. Moscow: Moscow State University.
11. Lachaeva, M.Yu. (2004) *Istoriografiya istorii SSSR do 1917 goda* [Historiography of the History of the USSR before 1917]. Vol. 1. Moscow: VLADOS.
12. Pushkin, A.S. (1934a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
13. Pushkin, A.S. (1934b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
14. Belinskiy, V.G. (1953a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.
15. Belinskiy, V.G. (1953b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
16. Belinskiy, V.G. (1953c) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
17. Kozmin, N.K. (1903) *Ocherki iz istorii russkogo romantizma* [Essays on the history of Russian romanticism]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
18. Gusakova, O.Ya. (1999) *N.A. Polevoy v vospominaniyakh Ks. Polevogo* [N.A. Polevoy in the memoirs of Ks. Polevoy]. *N.A. Chernyshevskiy. Star'i, issledovaniya i materialy*. 13. pp. 107–123.
19. Shamakhova, V.M. (1977) *Khudozhestvennaya proza N.A. Polevogo* [N.A. Polevoy's fiction]. In: Kiselev, N.N. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–26.
20. Ilchenko, M.N. & Chernyshova, E.G. (2016) *Nemetskiy geroy v romane N.A. Polevogo "Abbadonna"* [The German Hero in N.A. Polevoy's Novel "Abaddonna"]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo logisticheskogo universiteta*. 1(33). pp. 93–107.
21. Linkov, V.D. (2013) "Klyatva pri grobe gospodnem" N.A. Polevogo: osobennosti romannoy struktury ["The Oath at the Holy Sepulcher" by N.A. Polevoy: Features of the Novel's Structure]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4(42). pp. 328–329.
22. Polevoy, N.A. (1829) *Istoriya russkogo Naroda* [History of the Russian People]. Vol. 1. Moscow: August Semen's typography at the Imperial Medical and Surgical Academy.
23. Karamzin, N.M. (1818) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 1. Moscow: N. Grech.
24. Karamzin, N.M. (1819) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 4. Moscow: N. Grech..
25. Polevoy, N.A. (1833) *Istoriya russkogo Naroda* [History of the Russian People]. Vol. 4. Moscow: August Semen's typography at the Imperial Medical and Surgical Academy.
26. Plekhova, O.G. (2016) *Istoricheskiy diskurs: institutsional'nye kharakteristiki* [Historical Discourse: Institutional Characteristics]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(106). pp. 99–105.
27. Vendries, J. (1937) *Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu* [Language. Linguistic Introduction to History]. Translated from French. Moscow: Sotsekiz.
28. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow: Gnozis.
29. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
30. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [The Theory of Text]. Moscow: Logos.
31. Solntsev, N.I. (2020) *Rol' sententsii v istoricheskom diskurse "Kratkoy rossiyskoy tserkovnoy istorii" mitropolita Platona (Levshina)* [The role of maxim in the historical discourse of the "Brief Russian Church History" of Metropolitan Platon (Levshin)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 25(3). pp. 204–213.

Сведения об авторе:

Солнцев Николай Игоревич – доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия); старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет» при Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова (Нижегород, Россия). E-mail: sochin3@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Solntsev Nikolay I. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Senior Researcher of the Scientific and Educational Center "Slavic-Greek-Latin Cabinet" of the Dobrolyubov Linguistic State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sochin3@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; принята к публикации 15.05.2024

The article was submitted 15.06.2021; accepted for publication 15.05.2024